

И.Бойко. Гимн хате

Боль моя, любовь моя,
жаль моя...
Вздрагиваешь от
малейшего ветерка, от
воробьиного крика, от
гула моторов в степи.
Пообсунулась, пошерхла
от времени; надвинула
до завалинки
источенную дождями
соломенную крышу;
уткнулась в землю
печальными окнами. А

над тобой небо — как огромный сверкающий колокол. Гремит на весь мир над тобой российское небо. А ты все старишься, все хилишься, вырастаешь в землю. Отглядели вишни в твои окна, жаль моя; отсидели на твоих завалинках девчата, любовь моя; отплясали, отпели тебе парубки, скоро совсем тебя не будет, боль моя... Но я — из тебя, из тебя кровь моя и плоть моя, из тебя вся Россия моя.

Открой глаза! Разбуди думы! Не печалься! Ты ведь самая счастливая...

Для тебя искали предки мои самую лучшую землю — прошли горы, прорубали леса, обжили болота, обласкали просторы... Такой путь, что весь мир позавидует!

Строили тебя на скорую руку, из всего что ни есть: из самана, турлука; набивали глиной клинцовки. Под тебя закладывали монеты, чтобы быть богатыми; на пороге прибивали подковы, чтоб водился скот; на плетне вешали черепа, чтоб не подступали злые духи... А строили тебя всей родней, всей улицей, всем

селением. И потому к тебе каждый вхож, твои двери открыты каждому.

А сколько пота пролила ты! Просыпалась рано, на зорьке. Будили тебя петухи, звон наковален в кузнице. И было тебе радостно, когда у окон твоих оббивали щепами снопы, веяли зерно, когда в горнице ткали полотна, в сенях плели лапти...

Ах, боль моя, любовь моя, жаль моя! Сколько сказок тобою сложено, и все про хорошую жизнь, про ковер-самолет, про силу, про красоту и ум детей твоих... Сколько былин придумано! «Как садился на коня добрый молодец, как пуцал он во врага стрелу вострую...» «Как поднимал с земли палицу тяжелую, во девяносто пуд...» Сколько песен пропела про тоску-печаль, про кручинушку!

Жгли тебя, хата, полонили, заливали нерусским, чужим говором, топтали копытами, громили железом; смеялись над тобой — выстояла все!..

И гадала ты о счастье на всем что ни есть — на воде, на углях, на хлебе, на звездах, на ветре. Потому как хотелось тебе счастья! «Выйду я в поле зарею, умоюсь багряной росой...»

И столько набивалось в тебя, хата, детишек, что ни повернуться, ни сесть.

Столько с тобой связано, хата, что и не высказать...

Жила в тебе и знахарка, что знала заговоры от всех бед, от всех болезней, от пуль, от острой сабли, от всех напастей. «Кровь на кровь, сустав на сустав, мосол на мосол, жила на жилу. Тут тебе не стоять, тут тебе не лежать, стань же ты на свое место...» Жили и колдуны, что оборачивались против тебя в колесо, в лютого зверя. И ведьмы, которые летали на метле и портили коров... Жили и чаривницы, причаровывавшие парубков... И богатыри: «В одну ночку все полюшко перепаживали...» «И расходились по земле удаль показать и счастья поискать...»

И не было у тебя ничего, кроме сказок! Не помогли тебе ни подковы, прибитые на пороге, ни черепа, надетые на плетни, ни медяки, закопанные в землю... Стояли над тобой, хата, злые духи: обрезали землю по самый порог, опутывали безверной верой, толкали в спину твоих сыновей против тех, кто вышел из тебя раньше... И столько выплакала ты слез, что до сердца земли дошло...

...Деда Ермолая настигли за огородами, под Казачьей, располосовали шашкой живот, набили пшеницей...

Швец перегнулся с седла, покрутил ус, довольный:

— Будут знать, как зариться на чужую землю! Убирать не сметь! Голову снесу!..

Лежал Ермолай в снегу. Лежал в дождь. Сквозь ребра и глазницы густо проросла зелень, буйно выколосились колосья...

Ах, боль моя, жаль моя, моя русская хата!..

Помнится: отец поднял меня высоко-высоко, до самой стрехи, прижал и понес к Казачьей. Кажется, тогда еще выбивались из-под камней зеленые всходы...

И остались памятью об отце эти зеленыя, пахнувшая бензином фуфайка и сумка, в которой он носил нам гостинцы от зайчика — горбушку колхозного хлеба...

Боль моя, любовь моя, жаль моя... Похилилась, пошерхла. Вдрагиваешь от каждого ветерка, от воробьиного крика, от гула моторов в степи. А было, провожала нас в школу нарядная — стены выбелены, полы свежо вымазаны, посыпаны чебрецом... А теперь вырастаешь в землю, старишься, вздыхаешь по детям своим...

Надвинула истрепанную ветрами соломенную крышу до завалинки, уткнула заплаканные окна в землю, а над тобой небо — как колокол. Гремит над тобой российское небо, и плывут по нему корабли — дети твои. Вокруг зеленеют поля, расцветают сады, встают города — тоже дети твои!..

А тебя скоро не будет. Тебя скоро не будет; но ты навсегда в сердце моем, хата. Из тебя я есть, из тебя кровь моя и плоть моя. Из тебя вся Россия моя. И я клянусь тебе, хата, быть чистым, как ты, быть щедрым, как ты, быть сильным, как ты; я растворюсь в России, как ты, моя гордость, моя правда, моя сила, моя русская хата!..